

Назипов Ильгиз Ильдарович

кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права
Пермского института экономики и финансов

**ОЦЕНКА РУССКО-ОРДЫНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ УЧЕНЫМИ
ИСТОРИКАМИ, НАЗЫВАВШИМИ
СЕБЯ «ЕВРАЗИЙЦАМИ»**

Аннотация:

В статье представлен анализ оценки русско-ордынских отношений русскими историками-эмигрантами первой трети XX в., называвшими себя «евразийцами». Понять позицию ученых можно только в контексте созданного ими образа «России-Евразии». Это единый культурно-исторический субъект, расположенный примерно в границах СССР, особенный и сплоченный религиозно, административно, антропологической близостью населяющих его народов, общей культурой быта. Определены системообразующие элементы «России-Евразии» как культурно-исторического явления и степень влияния на них Орды в исторической перспективе.

Ключевые слова:

«евразийцы», монгольское влияние на Русь, домонгольская Русь, «Россия-Евразия», Русь после ига, Орда.

Nazipov Ilgiz Ildarovich

PhD in History,
Head of Theory and History of
State and Law Department,
Perm Institute of Economics and Finance

**THE ASSESSMENT OF
RUSSIAN-HORDE RELATIONSHIPS
BY HISTORIANS WHO NAMED
THEMSELVES “EURASIANISTS”**

Summary:

The article analyzes the assessment of Russian-Horde relationships given by Russian emigrated historians of the early XX century who named themselves “Eurasianists”. The position of the scholars can be understood only in the context of the image of “Russia-Eurasia” that they created. It is the unified cultural and historical entity, approximately within the USSR borders, unique, and united by religion and administration, as well as anthropological proximity of the people occupying it, and general culture of life. The author defines the backbone elements of “Russia-Eurasia” as a cultural and historical phenomenon and the Horde’s impact on these elements in the historical perspective.

Keywords:

“Eurasianists”, Mongolian influence on Rus, pre-mongolian Rus, “Russia-Eurasia”, Rus after the Mongolian invasion, Horde.

Особую позицию в оценке русско-ордынских отношений, точнее по вопросу влияния монголо-татар на русскую историю, занимали русские историки-эмигранты 20–30-х гг. XX в., называвшие себя «евразийцами», – Г.В. Вернадский [1; 2; 3], Н.С. Трубецкой [4], П.Н. Савицкий [5], Э. Хара-Даван [6].

Их позиция основана на специфическом критерии оценки влияния: на созданном ими образе государства и культурно-исторической общности – «России-Евразии». Этот образ является комплексным, включает в себя географическое содержание, культурное, религиозное, поведенческо-бытовое, политическое, а значит, и оговариваемый здесь критерий оценки исторических событий в Евразии является также комплексным и включает в себя оценку с позиции географии, религии, культуры, быта. То есть в целом вся идеология евразийства и является критерием оценки евразийских исторических событий и исторических периодов на пространстве Евразии [7, с. 223–293].

Географически «Россия-Евразия» примерно равна территории бывшего СССР с Монголией. Здесь в сходных ландшафтных и климатических условиях проживают дружелюбно настроенные друг к другу народы, близкие в антропологическом и культурно-бытовом отношении, с общими государственными традициями. Характерными позитивными особенностями этих народов являются общая политическая система, монархическая форма правления, глубокая религиозность, которой подчинен весь их быт, антизападничество.

Этот образ в рамках данной концепции считался идеальным для России на протяжении всей ее истории. Соответственно, оценка исторических событий и эпох велась «евразийцами» с позиции степени соответствия исторической действительности в конкретный период описанному выше образу. Также данная оценка зависела от того, насколько вектор развития государств соответствует возникновению, сохранению этого образа.

Метод выявления монгольского влияния, используемый «евразийцами», следующий: «Метод измерения степени воздействия на Русь – сравнение Русского государства и общества домонгольского периода и постмонгольской эры, в частности сравнение духа и институтов Московской Руси и Руси киевского периода» [8, с. 342]. Сравнение происходит в рамках вышеописанного критерия оценки и осуществляется по всем составным элементам критерия. Производится сравнение: занимаемой Русским государством территории; места в государстве и обществе религии,

церкви; взаимоотношений русских в разные периоды с нерусскими соседями в «Евразии»; государственной, социальной, военной организации.

Изменение пространства было благоприятным, с точки зрения «евразийцев». До ига Русь занимала Восточно-Европейскую равнину и отступала с юга-востока [9, с. 64]. После ига, наоборот, наблюдалось наступление Руси на южном и восточном направлениях, беспрецедентное по масштабам, сравнимое с колониальными захватами европейцев. «Эпоха Ренессанса и Реформации в Европе XV–XVI вв. стала свидетельницей морских завоеваний Европы во всем мире. Для России это означало начало ее сухопутного продвижения на юг и юго-восток – к Черному и Каспийскому морям – и в восточном направлении через Сибирь – к Тихому океану» [10, с. 7]. Завершится процесс присоединением к России Крыма в XVIII в. и Приморского края в XIX в. Но импульс процессу задан был в XV–XVI вв. необходимостью борьбы с «осколками» Золотой Орды и победой над ними.

Изменение места и роли церкви в стране за период русско-ордынских отношений также было благоприятным, по мнению «евразийцев». В домонгольский период Русь была еще наполовину языческой: «В Киевский период христианство утвердилось среди высших классов и горожан. Большая часть монастырей, основанных в то время, находилась в городах. В сельских районах христианский слой был довольно тонким, и пережитки язычества не были побеждены» [11, с. 385].

После ига ситуация стала абсолютно иной. Русь периода Московского царства часто называют «Святой Русью». Во-первых, в монгольский период была выполнена стоявшая перед церковью задача – количественно завершить христианизацию русского народа. «Только в монгольский период сельское население Восточной Руси было более основательно христианизировано. Это было достигнуто как энергичными усилиями духовенства, так и ростом религиозного чувства среди духовной элиты самого народа» [12, с. 385]. Во-вторых, религиозность русского населения в монгольский период усилилась. «Началось интенсивное брожение и кипение, сложные душевные процессы, значение которых обычно недооценивается. Главным и основным явлением этого времени был чрезвычайно сильный подъем религиозной жизни» [13, с. 238]. В-третьих, за монгольский период возросло внутривластное влияние церкви, умножились ее материальные богатства. «Фактически митрополит не раз служил арбитром в разногласиях между князьями. Это время было также периодом, когда русская церковь имела возможность создать мощную материальную базу для своей деятельности» [14, с. 385].

Изменение государственной организации во время русско-ордынских связей было тоже благоприятным с точки зрения «евразийцев». Домонгольская Русь в политическом плане характеризуется двумя ключевыми факторами – политической раздробленностью и ограниченностью княжеской власти в княжестве. «До прихода монголов многочисленные русские княжества варяжского происхождения, расположенные в бассейнах рек, впадающих в Балтийское и Черное моря, и только в теории признававшие власть над собой Киевского Великого князя, фактически не составляли одного государства, а к населявшим их племенам славянского происхождения неприменимо название единого русского народа» [15, с. 224]. «...политическая жизнь русской федерации киевского периода строилась на свободе. Три элемента власти – монархический, аристократический и демократический – уравновешивали друг друга, и народ имел голос в правительстве во всей стране» [16, с. 342]. В монгольский период данная ситуация меняется в сторону укрепления единой государственности и власти великого князя [17, с. 94]. Окончательно ситуация изменилась в постмонгольский период. «В Московском царстве XVI и XVII вв. мы обнаруживаем абсолютно новую концепцию общества и его отношения к государству. Все классы нации, от высших до низших, исключая рабов, были прикреплены к государственной службе» [18, с. 345].

Произошли ли эти перемены благодаря монголо-татарам или это только совпадение? «Евразийцы» считают, что не просто совпадение.

То, что Русь с XV в. перешла к завоеванию Степи и Сибири, ученые объясняют привычкой Руси в течение столетий ига ощущать себя не государством, занимающим Днепровский бассейн, а частью огромной империи, включающей Сибирь и Степь. Таким образом, русские расценивали завоевание этих территорий как объединение прежней империи, но только уже во главе с Москвой, а не Сараем. Эта же привычка – быть в одном государстве – и у народов, завоеванных Московской Русью, облегчила русским процесс завоевания территорий бывшей империи Чингисхана.

«...Внешняя история “возвышения Москвы”, или возникновения Русского государства, может быть изображена следующим образом. Татары смотрели на завоеванную ими Россию как на единую провинцию. Финансовое и административное объединение этой провинции с точки зрения общетатарской государственности было очень желательно. За это дело взялись московские князья, явившиеся в этом отношении проводниками татарских политических планов, агентами центральной ордынской власти. На этом деле московские князья сильно нажились, а в то же время прочно завоевали доверие татар и сделали себя для татар необходимыми. Они превратились как бы в бессменных и наследственных губернаторов русской провинции татарского царства и в этом отношении сравнялись с другими ханами – правителями отдельных провинций, отличались от них

только своим не кочевническим происхождением и не мусульманским вероисповеданием. Постепенно все эти провинциальные правители, именующие себя царями и ханами, а в том числе и московский царь, настолько эмансипировались, что связь их с центральной властью стала только номинальной или вовсе исчезла и сама центральная власть перестала реально существовать. Но сознание государственного единства продолжало жить, и представлялось необходимым вновь объединить разрозненные и обособившиеся в самостоятельные царства провинции бывшего татарского государства в одно целое. Задачу эту, естественно, должен был выполнять какой-нибудь правитель одной из обособившихся провинций. Татарские правители этого не сделали, а сделал единственный не татарский провинциальный властелин – московский царь» [19, с. 238].

Рост влияния православной церкви в русском обществе в монгольский период «евразийцы» также считают следствием монгольского воздействия на Русь. Это воздействие осуществлялось двояко. Во-первых, национальное унижение действовало на психику народа. «Иноземное иго воспринято было религиозным сознанием как кара Божья за грехи, реальность этой кары утверждала сознание реальности греха и карающего Божественного Провидения и ставила перед каждым проблему личного покаяния и очищения через молитву» [20, с. 238]. Во-вторых, осуществлялась прямая поддержка монголами церкви, политически и материально: «...главная доля влияния монгольского ига на России относится именно к области духовных связей. Можно без преувеличения сказать, что православная церковь свободно вздохнула во время владычества монголов. Ханы выдавали русским митрополитам золотые ярлыки, ставившие церковь в совершенно независимое от княжеской власти положение. Суд, доходы – все подлежало ведению митрополита, и, не раздираемая усобицами, не обираемая князьями, постоянно нуждающимися в деньгах для войн, церковь быстро приобрела материальные средства и земельную собственность» [21, с. 239].

Влияние монгол на объединение Восточной Руси «евразийцы» признают значительным. Они высказываются так: «Под влиянием монгольского владычества эти княжества и племена были слиты воедино, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю» [22, с. 225].

В отношении чрезвычайного усиления власти князя внутри государства «евразийцы» единодушны: признают это следствием монгольского влияния. Именно монголы подорвали внутри Русского государства значение вече [23, с. 352–353] и боярства [24, с. 356] – внутриполитических соперников князя.

Таким образом, в отношении пространства, занимаемого Русью, и динамики его изменения послемонгольская Русь выглядит для «евразийцев» гораздо предпочтительнее, чем домонгольская. Место церкви и религии в постмонгольской Руси значительно выросло в русском обществе и государстве, что, по мнению «евразийцев», позитивно характеризует произошедшие перемены. Изменения в государственной и социальной системе русского общества, произошедшие за монгольский период, огромны и с позиций «евразийской» идеологии очень позитивны.

Все эти изменения – результат принадлежности Руси в период XIII–XV вв. к империи Чингизидов, они явились результатом прямого и косвенного монгольского влияния. Соответственно, «евразийцы» позитивно оценивают воздействие монголо-татар на Русь и ее историческое развитие в перспективе.

Ссылки:

1. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь ; М., 1999. 480 с.
2. Вернадский Г.В. Московское царство. Тверь ; М., 1997. 512 с.
3. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. 320 с.
4. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000. 560 с.
5. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. 464 с.
6. Хара-Даван Э. Русь монгольская: Чингисхан и монголосфера М., 2003. 320 с.
7. Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 223–293.
8. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. С. 342.
9. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 64.
10. Вернадский Г.В. Московское царство. С. 7.
11. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. С. 385.
12. Там же.
13. Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 238.
14. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. С. 385.
15. Хара-Даван Э. Указ. соч. С. 224.
16. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. С. 342.
17. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 94.
18. Там же. С. 385.
19. Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 238.
20. Там же.
21. Хара-Даван Э. Указ. соч. С. 239.
22. Вернадский Г.В. Московское царство. С. 225.
23. Там же. С. 352–353.
24. Там же. С. 356.

References:

1. Vernadsky, GV 1999, *Mongolia and Russia*, Tver; Moscow, p. 480.
2. Vernadsky, GV 1997, *Muscovy*, Tver; Moscow, p. 512.
3. Vernadsky, GV 2000, *Inscription in Russian history*, SPb., p. 320.
4. Troubetzkoy, NS 2000, *The Legacy of Genghis Khan*, Moscow, p. 560.
5. Savitsky, PN 1997, *Eurasian continent*, Moscow, p. 464.
6. Hara-Davan, E 2003, *Russ Mongolian: Genghis Khan and mongolosfera*, Moscow, p. 320.
7. Troubetzkoy, NS 2000, *The Legacy of Genghis Khan*, Moscow, pp. 223-293.
8. Vernadsky, GV 1999, *Mongolia and Russia*, Tver; Moscow, p. 342.
9. Vernadsky, GV 2000, *Inscription in Russian history*, SPb., p. 64.
10. Vernadsky, GV 1997, *Muscovy*, Tver; Moscow, p. 7.
11. Vernadsky, GV 1999, *Mongolia and Russia*, Tver; Moscow, p. 385.
12. Vernadsky, GV 1999, *Mongolia and Russia*, Tver; Moscow, p. 385.
13. Troubetzkoy, NS 2000, *The Legacy of Genghis Khan*, Moscow, p. 238.
14. Vernadsky, GV 1999, *Mongolia and Russia*, Tver; Moscow, p. 385.
15. Hara-Davan, E 2003, *Russ Mongolian: Genghis Khan and mongolosfera*, Moscow, p. 224.
16. Vernadsky, GV 1999, *Mongolia and Russia*, Tver; Moscow, p. 342.
17. Vernadsky, GV 2000, *Inscription in Russian history*, SPb., p. 94.
18. Vernadsky, GV 2000, *Inscription in Russian history*, SPb., p. 385.
19. Troubetzkoy, NS 2000, *The Legacy of Genghis Khan*, Moscow, p. 238.
20. Troubetzkoy, NS 2000, *The Legacy of Genghis Khan*, Moscow, p. 238.
21. Hara-Davan, E 2003, *Russ Mongolian: Genghis Khan and mongolosfera*, Moscow, p. 239.
22. Vernadsky, GV 1997, *Muscovy*, Tver; Moscow, p. 225.
23. Vernadsky, GV 1997, *Muscovy*, Tver; Moscow, pp. 352-353.
24. Vernadsky, GV 1997, *Muscovy*, Tver; Moscow, p. 356.